

— Ты снова ввёл себе успокоительное?

— Да, — Шлиффен бережно поднял его с кресла-каталки.

— Зачем?

— Потому что сейчас я собираюсь заняться кое-чем весьма соблазнительным, — Шлиффен перехватил его поудобнее.

С момента последнего приступа боли прошло шесть часов. Немного поспав, Эрвин почувствовал себя лучше. До этого они успели не на шутку напугать друг друга — виной тому были чужая планета, неведомая боль и странная, непривычная близость между ними.

— Что ты задумал? — Эрвин немного расслабился. Теперь этот Шлиффен уже не казался ему совершенно чужим человеком.

— Вымыть тебя, — абсолютно серьезным, даже суровым тоном отозвался Шлиффен.

Комната, где они впервые встретились, по всей видимости, служила главным диспетчерским залом этой астрономической станции мониторинга. В прилегающих к нему отсеках располагались скромные жилые блоки. Во время первого обхода Шлиффен наткнулся на душевую. По счастью, планета изобиловала геотермальными источниками: стоило повернуть вентиль, как из лейки хлынула горячая вода.

Эрвина недавно жестоко вывернуло наизнанку, и сейчас от него исходил тоскливый аромат спелого апельсина.

— Если забыть о феромонах, мы всего лишь двое мужчин, — Шлиффен пересадил его на сиденье в душевой кабине и помог устроиться поудобнее. — Так что отставим неловкость, ладно?

Слова звучали разумно, но Эрвин все равно смущенно отвернулся.

Тюремная роба оказалась простейшего кроя. Расстегнув молнию, Шлиффен помог ему стянуть куртку, а затем размотал бинты на его ногах и аккуратно зафиксировал ими бесчувственное тело на сиденье.

— Я учился в полицейской академии, там все душевые были полуоткрытыми.

— А? То есть?

— То есть сейчас я буду снимать с тебя штаны, — пояснил Шлиффен. — Если тебе неловко, просто начни громко говорить о чем-нибудь постороннем, делая вид, будто ничего не происходит. В академии мы только так и спасались.

Эрвин невольно улыбнулся.

— Вообще-то у меня всегда была отдельная ванная, — признался он. — И я еще ни разу ни перед кем не раздевался.

— Знаешь, почему в военных и полицейских академиях общие душевые — это сущий ад? — Шлиффен тем временем стянул с него брюки. — Да потому, что они общие и для Альф-мужчин, и для Альф-женщин. Кошмар, правда? Говорят, это сделано для того, чтобы мы привыкали к суровым фронтовым реалиям. В общем-то, логично: на передовой никто не станет строить отдельные санитарные блоки.

— Да уж, звучит жутковато, — согласился Эрвин. Впервые в жизни он предстал перед кем-то совершенно обнаженным и теперь отчаянно пытался казаться невозмутимым. — Просто сполосни меня побыстрее, и все.

Шлиффен, однако, проигнорировал просьбу и достал со стеллажа банку с очищающим порошком.

— Забавно, правда? Альфы обоих полов для нас — почти одно и то же, а вот мы с тобой — как разнополые существа. Если сравнить с Древней Землей, у нас тут чертовски странные порядки. Перенесись сюда кто-нибудь из той эпохи, он бы точно рассудком тронулся от увиденного... Давай просто представим, будто мы обычные древние земляне.

— Тебе так нравится Древняя Земля?

— Ну да. Славная была эпоха, настоящий золотой век, — Шлиффен пустил воду и насыпал горсть порошка в ладонь. — Закрой глаза, сначала вымою тебе голову. Бог знает, сколько этот порошок тут провалялся, еще ослепнешь, чего доброго.

На макушку пролилась теплая вода. Эрвин содрогнулся от этого давно забытого, живого тепла, словно смывающего ледяную корку с воспоминаний, застывших полвека назад. Он прикрыл веки, и в темноте наконец проступили смутные, но удивительно мягкие, уютные образы из прошлого.

— Как водичка? Не горячо?

— В самый раз.

Шорох растираемого в ладонях порошка донесся до него непривычно отчетливо. Эрвин

слышал, как между чужими пальцами рождается густая, нежная пена. И когда эти пальцы мягко зарылись в его волосы, касаясь кожи головы, он невольно затаил дыхание.

«Шлиффен. Да, его зовут Герс Шлиффен».

Круговые, массирующие движения сильных рук заставили Эрвина замереть, не в силах сделать выдох.

— Чем пахнет этот порошок? — спросил Шлиффен.

Эрвин попытался справиться с внезапным волнением:

— Личи.

— Ну и странные же у тебя вкусы.

— На этой станции я работал в полном одиночестве, так что все здешние запасы — стандартное снабжение Ассоциации академий. Я далеко не так богат, как тебе кажется. Просто во время эвакуации припрятал то, что следовало уничтожить.

— А я-то думал, все Омеги живут в роскоши и неге, — Шлиффен направил струю чистой воды, смывая пену. Мокрые пряди Эрвина потемнели, став мягкими и совершенно черными.

— Роскошь? Да я годами не вылезал из лаборатории. Порой месяцами питался сухими пайками из доставки. Помню, как-то целый месяц жевал одни только галеты со вкусом курицы — этот отвратительный привкус я, наверное, до смерти не забуду. Впрочем, разнообразием нас не баловали: в столовой Ассоциации было всего шесть видов стандартных наборов.

— В твоём личном деле указано, что тебе сто шестнадцать лет. Даже за вычетом пятидесяти лет анабиоза получается шестьдесят шесть. Неужели ты все эти годы провел за приборами?

— Я терпеть не могу светские условности и всю эту бумажную волокиту, так что руководящие должности не для меня. Анни в этом смысле куда способнее, потому и стала вице-председателем. Останься я в Ассоциации, так бы и просидел до старости обычным научным сотрудником. Ну, разве что звание повысили бы да лабораторию из подвала перенесли куда-нибудь повыше.

— С трудом представляю, как можно всю жизнь питаться шестью блюдами, — Шлиффен перекрыл воду и, обойдя сиденье, заглянул Эрвину в лицо. — Ну вот, теперь ты похож на человека.

Эрвин отвел глаза.

— На самом деле они были довольно сносными. Жаль только, что те куриные галеты поначалу казались мне самыми вкусными.

— Еще бы, ты ведь и питательную смесь с апельсиновым вкусом считаешь деликатесом, — беззлобно усмехнулся Шлиффен, взъерошив его влажные волосы. — Ладно, теперь займемся телом. Постарайся мне немного помочь.

— Я же парализован. Как я могу помочь?

— Очень даже можешь, — Шлиффен снова потянулся к очищающему порошку. — Скажу честно: мне и самому безумно неловко. Так что не умолкай, иначе я просто сгорю от стыда и не смогу продолжить.

— Ха-ха-ха... — Эрвин искренне рассмеялся, и это минутное веселье принесло долгожданное облегчение. — Ладно, валяй.

— Договорились.

Эрвин руководил множеством сложнейших экспериментов, в том числе разработкой первого поколения биочипов «Оуэн», однако сам никогда прежде не сталкивался с параличом. В первый миг после пробуждения его охватила ярость, но постепенно гнев уступил место глухой апатии и бессилию. Лишь теперь он осознал, что неподвижность не означает мгновенную потерю чувствительности. Мозг упрямо отказывался мириться с потерей контроля над телом, посылая фантомные сигналы боли в пустые, онемевшие конечности. За последние дни ему казалось, будто его физическая оболочка усохла вдвое, сжавшись до единственной, невероятно чувствительной точки где-то в основании позвоночника — точки, которую он отчаянно пытался заставить шевелиться, но не мог сдвинуть ни на миллиметр.

Шлиффен направил струю теплой воды на его плечи, и под этим ласковым потоком Эрвину почудилось, будто его сжавшееся тело вновь обретает прежние очертания. Ладони Альфы скользили по его груди вслед за струями воды. Кожа ничего не чувствовала, но зрение упрямо подсказывало Эрвину фантомное ощущение этого прикосновения — его силу, тепло и мягкую настойчивость. К парализованному телу возвращалась жизнь, но эта призрачная чувствительность лишь пугала его, заставляя сердце биться чаще.

Помня об уговоре, Эрвин поспешно отвел взгляд в сторону навесного шкафчика:

— Ты упомянул, что считаешь Древнюю Землю золотым веком. Почему?

— У людей на Древней Земле были семьи, — Шлиффен принялся бережно намыливать его плечи. — Не то что у нас. Сейчас, даже если Альфа и Омега заключают союз, едва зародившийся плод сразу извлекают и отправляют на инкубационную фабрику, где он и дожидается появления на свет.

— Но это позволило колоссально поднять рождаемость, — возразил Эрвин. — Традиционное воспитание детей в семье требует слишком много ресурсов. Вернись мы к укладу предков, даже у пары Альфы и Омеги здоровое потомство появлялось бы от силы раз в несколько лет. А нынешние технологии позволяют получать жизнеспособные эмбрионы каждые три месяца.

— Я сам вырос на такой инкубационной фабрике, — Шлиффен легонько провел пальцем по его груди. — Вот здесь у меня когда-то стоял идентификационный номер. Я понятия не имею, кто мои родители. Для системы я всегда был просто цифровым кодом. Нас сортируют еще в детстве: Альф поголовно распределяют в военные или полицейские академии, и только после окончания обязательной службы мы получаем призрачный шанс изучать что-то еще. Из-за жесткой кастовой изоляции я никогда прежде не видел Омег. Ты первый, кого я встретил на своем веку. А ведь раньше я бредил этой встречей.

— Почему? — Эрвин упорно избегал его взгляда, судорожно соображая, как перевести этот глубоко личный разговор в более безопасное, научное русло.

— Потому что мне чертовски хотелось узнать, как выглядела моя мать.

Эрвин, поддавшись неодолимому порыву, на мгновение заглянул в его чистые голубые глаза:

— Возможно... возможно, твоя мать была Омегой-женщиной. Ведь в большинстве случаев с Альфами-мужчинами сочетаются именно женщины-Омеги... Кто знает...

— Знаю. И знаю, что никогда ее не увижу.

«Но именно благодаря этой системе человечество свело внутренние распри к минимуму. Без кастовых династий, без бремени наследства — каждый рожденный изначально равен остальным, и перед каждым открыты безграничные пути. Лишь благодаря этому за какую-то тысячу лет мы создали величайшую цивилизацию и покорили мириады звезд».

Эти слова когда-то часто повторял ему председатель Планк Вейль.

— Если бы мы не изменились, то так и остались бы жалкими существами, запертыми на Земле, которая для бескрайнего космоса — не более чем песчинка, — тихо произнес Эрвин.

— Место, где мы сейчас находимся, тоже всего лишь песчинка, — Шлиффен пожал плечами.

—...

— У жизни должно быть тепло. Вот почему та эпоха останется для меня истинным золотым веком.

Эрвин вновь взглянул на него. На языке вертелись сотни аргументов, но он промолчал. Опустив глаза, он прислушался к себе — сердце в груди пропустило удар.

Лишь теперь, взглянув на себя, Эрвин осознал, насколько плачевно выглядит. Из-за жесткой тряски во время полета ремни безопасности искусили его тело, оставив глубокие багровые кровоподтеки. Плотная ткань робы скрывала эти увечья, а паралич не позволял их почувствовать, и теперь Эрвину стало мучительно стыдно за свою немощь. На контрасте с ним Шлиффен казался воплощением безупречной силы. Закатав рукава, он обнажил крепкие руки с отчетливо очерченными мускулами — настоящая ожившая скульптура. Когда эти ладони бережно касались бледной кожи Эрвина под струями теплой воды, тот ловил себя на безумной мысли, будто его бесчувственное тело превратилось в изысканный инструмент, отзывающийся на каждое прикосновение беззвучной, понятной им двоим мелодией.

— Вода остыла? — спросил Шлиффен.

Эрвин вскинул голову.

— У тебя губы дрожат.

— Нет, все отлично, — Эрвин поспешно прикусил губу. — То есть... нет, правда. — Он лихорадочно попытался вернуть нить беседы. — Скажи... какие у тебя планы на будущее? Мы ведь больше не на Древней Земле... Я имею в виду... что ты собираешься делать дальше?

— Планы? — Шлиффен на секунду замер.

— Ну да. Твое будущее...

— Послушай, — Шлиффен отложил мочалку и серьезно посмотрел на него. — Я не знаю, в чем именно тебя обвиняют и что ты задумал дальше. Но одно мне ясно наперед: в твоих чертежах будущего для меня места нет. Понимаешь? Ты пообещал сохранить мне жизнь, но в этой глуши выжить в одиночку нереально. Космос слишком велик, а среди твоих припасов я не заметил ничего, на чем можно было бы улететь отсюда. Так смысл мне строить планы?

—...

— Но это пустяки, — Шлиффен перекрыл воду и потянулся за полотенцем. — Первое, чему учат каждого Альфу — это смотреть в глаза смерти без страха. Держи, давай вытру лицо.

—...

Следующие десять минут Шлиффен увлеченно разглагольствовал о своем армейском полотенце. Он уверял, что эта огромная, пушистая и превосходно впитывающая влагу ткань — лучшее, что было в его медицинском комплекте, а решение интендантства включить ее в

стандартную укладку, пожалуй, стало самым гениальным решением военного ведомства за последнее столетие.

Затем он бережно укутал Эрвина и поднял его на руки.

— Почему ты меня не убил? — тихо спросил Эрвин.

— Ты спрашиваешь об этом уже в третий раз, — Шлиффен уложил его на кушетку и принялся застирывать его грязную робу. — Наш век чертовски суров и холоден, Эрвин. Нам не суждено иметь ни семей, ни возлюбленных. Поэтому когда ты протянул мне руку помощи, я почувствовал искреннюю благодарность. Только и всего. Я надзиратель и за годы службы усвоил одно: далеко не каждый, кто сидит за решеткой — подлец, и далеко не каждый, кто разгуливает на свободе — праведник. Я делаю то, что делаю, просто потому, что хочу честно прожить каждый отведенный мне день.

В безграничной вселенной даже само время течет причудливыми изгибами. Понятие «сутки» растяжимо — все зависит от того, мерить ли его мерками холодного космоса или скоротечной жизнью конкретного существа.

Для Анни Шуберт путь из штаба военного ведомства назад на Титан занял ровно трое таких суток.

Ей и ее спутнице предоставили правительственный лайнер — жест, которым генералитет, вероятно, пытался загладить неловкость. Это был не душный десантный челнок, а роскошный корабль с прогулочной палубой и настоящим зимним садом. Анни молча стояла у кованых перил, рассеянно глядя вдаль, пока верховный судья Каролина Грин внимательно наблюдала за ней.

— Сделать затяжку? — Каролина протянула ей тонкую сигарету.

— Я не курю.

Каролина со вздохом покачала головой:

— Святая невинность. С твоими пуританскими замашками впору было поступать на юридический. У нас на факультете тебе самое место.

— Издеваешься? Твой юрфак всегда был вертепом, где там у вас пуританство?

— Это я была вертепом, — усмехнулась Каролина. — Меня тогда только комиссовали с фронта,

и я пребывала примерно в том же состоянии, что и ты сейчас — на грани нервного срыва.

— Напротив, я совершенно спокойна. Это скорее предгрозовое затишье, — Анни подняла глаза на симулированное небо под куполом палубы. — Первый раунд мы проиграли, но главная битва еще впереди.

— Послушай, — Каролина, будучи на голову выше подруги, наклонилась к ее уху и заговорщицки понизила голос. — Я мало знаю этого Эрвина Германа. Скажи честно, ваш председатель часом не влюблен в него?

— Госпожа верховный судья, сейчас вы выглядите как базарная сплетница.

— Ну же, колись! Мне безумно интересно.

Анни ненадолго задумалась, восстанавливая в памяти прошлое.

— Думаю, нет.

Каролина согласно кивнула:

— Пожалуй. Да и Планк Вейль в этих делах всегда вел себя как законченный извращенец.

— А ты? — прищурилась Каролина. — Тебе он никогда не нравился? Он ведь Омега, а они, если верить учебникам, созданы для того, чтобы очаровывать всех вокруг.

— О, Эрвин... — Анни грустно усмехнулась. — Слишком уж он безупречен. Терпеть не могу мужчин, которые со всеми вежливы до тошноты. К тому же он неисправимый трудоголик. Стоит поработать с ним бок о бок хотя бы пару дней, и любой романтический флер испарится без следа.

Этот человек мог безвылазно провести в лаборатории целый год.

— А как же я? — Каролина придвинулась вплотную. Ее длинные золотистые кудри рассыпались по плечам, придавая ей хищный и невероятно соблазнительный вид.

— Ты задавала этот вопрос еще в университете. Раз сто, не меньше, — Анни скептически скривила губы.

— Не сравнивай. Тогда я была без гроша в кармане, обычной вчерашней курсанткой, и спрашивала из чистой романтики. А теперь я верховный судья и предлагаю тебе руку и сердце! К тому же я была свято уверена, что ты втрескалась в меня еще на выпускном балу, когда

перебрала с шампанским. Просто стеснялась признаться все эти годы, — Каролина со смешком легонько ущипнула ее за подбородок.

— Каролина, у тебя богатая фантазия... И будь добра, убери руки. Твой личный секретарь стоит прямо за спиной, и его взгляд сейчас прожигает во мне дыру.

Секретарь Каролины — Омега по имени Лука Лоран — действительно едва сдерживал ярость.

— Брось, нет там никого, — Каролина упрямо продолжала удерживать ее подбородок.

— Имей совесть, от его феромонов уже дышать нечем.

Запах и впрямь был удушающим — его отчетливо ощущала даже Анни, бывшая Бетой.

Каролине пришлось отстраниться. Она обернулась к подчиненному. Молодой человек стремительно подошел, бесцеремонно вырвал сигарету из ее пальцев, швырнул на палубу и зло испинал каблуком:

— Госпожа верховный судья, вице-председатель права. Курение вредит вашему здоровью.

— Что-то мне пить захотелось. Принеси воды, — лениво распорядилась Каролина, стараясь разрядить обстановку.

Луке Лорану ничего не оставалось, кроме как подчиниться и выйти.

— И чем тебе не угодил этот преданный серебряноволосый мальчик? — двусмысленно улыбнулась Анни, глядя вслед уходящему Омеге.

— Хватит паясничать, давай о серьезном, — помрачнела Каролина. — Коллапс Большой черной дыры — катастрофа планетарного масштаба. Военные пострадали первыми, и маршал Йоханнес Зект этого так не оставит. Не обольщайся его мнимой благосклонностью к Ассоциации, терпение у него не безграничное, уж я-то знаю повадки армейских чинов. По возвращении это дело неизбежно вынесут на обсуждение в Сенат. Мой тебе совет: будь начеку. Особенно с этим типом... как его... капитаном Галином.

— Галин лишь командует охраной. К тому же мы знакомы целую вечность.

Каролина одарила ее колким, ироничным взглядом:

— Чаще всего нас предают именно те, кто ближе всех. Если память мне не изменя, пятьдесят лет назад Эрвина с потрохами сдала именно ты. Так что не строй иллюзий только из-за того,

что его бывший подчиненный погиб, защищая тебя...

В этот момент автоматические двери разъехались, и в оранжерею вошел Лука Лоран с подносом. Каролина мгновенно умолкла.

<http://bllate.org/book/18311/1756269>